

Г.П. Лунарев,

проректор по научной работе Академии экономики и права, доктор юридических наук

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ НАРОДОВ МИРА

Юридическая психология как отрасль научных знаний зародилась на стыке общей психологии и правоведения в конце XVIII – начале XIX веков. С того времени ее исследователями опубликовано множество работ по различным аспектам юридической деятельности. Вместе с тем и зарубежными, и отечественными авторами упускаются из виду фольклорные основы юридической психологии – легенды, сказки, песни, пословицы и поговорки, в которых таятся огромные россыпи вековых наблюдений, выводов и оценок наших предков, сделанных преимущественно в сфере обычного права, но не потерявших значения до сих пор. Более того, многие пословицы и поговорки даже при первом их рассмотрении поражают глубиной анализа духовного мира личности, точностью психологических оценок поступков субъектов правоотношений, а, значит, по праву могут считаться одним из эмпирических источников юридической психологии.

Личность, утверждают психологи, – понятие многообразное. Крылатые народные изречения, являющиеся плодами многовекового осмысления людьми окружающей их действительности, не позволяют в этом усомниться. Удивительно, но в пословицах и поговорках отражены абсолютно все черты и свойства человеческой личности – как положительные, так и отрицательные. Различные психологические качества, сочетаясь в одном индивидуе, создают неповторимость, сложность, а часто и противоречивость его характера. Потому якуты говорят: «Человек с тремя острями, с восьмью гранями». «У каждой горы свой уклон, у каждого человека свой норов», – в свою очередь считают монголы.

Пословицы и поговорки, бытующие в культуре разных народов, кроме того, подчеркивают, что все дурное обычно сокрыто в человеке, до поры до времени существует в его душе латентно. «В каждой груди есть своя змея», – гласит русская пословица. Малагасийцы, то есть коренные жители острова Мадагаскар, выражают данную мысль другим сравнением: «Человек подобен бутылке из черного стекла: что у него внутри, не видно». «Про людей никогда не известно, где в них кончается ангел и начинается дьявол», – заключает еврейская мудрость.

Отсутствие или нехватка в старину правового аппарата познания заставляла людей изучать человеческую личность преимущественно с религиозно-нравственной или нравственно-психологической стороны, что достаточно заметно по старинным пословицам и поговоркам. Потому, давая социальную характеристику преступнику, пословицы и поговорки прежде всего обращают внимание на его нравственные качества или даже больше на их отсутствие. «У насильника нет стыда», – утверждает узбекская поговорка. «У вора стыда, что у курицы молока», – гласит марийское крылатое изречение. «У других вор скот угоняет, а у себя совесть похищает», – издавна говорят казахские аксакалы. «Совесть свою съел, а честь проглотил», – такой метафорой оценивает аморальность злодея персидская пословица.

Безнравственность преступника чаще всего проявляется в его алчности, стремлении незаконно овладеть чужими вещами вопреки существующим в обществе социальным

нормам и представлениям о собственности. Арабская поговорка, сравнивая вора с шакалом, считает, что «шакал никогда не насытится курами». То же самое утверждает и узбекская пословица: «Сколько хапуга не хапает, а все не насытится». Аморальность и непомерная корысть преступника в своей совокупности нередко определяют и такую его психологическую черту, как всеядность, неразборчивость в посягательствах на чужое. «Вор и с покойника стащит саван», – говорят грузины. «Вор не постесняется ограбить и мечеть», – уверяет афганское изречение. «Вор готов и похлебку украсть», – считают осетины. «Доброму вору всякий сапог впору», – гласит русская поговорка.

По прочности антиобщественных установок и отношению к своему противоправному деянию в юридической науке преступников классифицируют на несколько типов: от злостного до случайного (ситуативного). Русский психолог начала XX века С.В. Познышев на этот счет писал: «От суммы да от тюрьмы не отрекайся» – советует народная поговорка, указывая, что человек часто попадает в одно из обозначенных в ней несчастных положений вопреки своим расчетам и ожиданиям. Обстоятельства иной раз так резко и быстро меняются и дают такой толчок к преступлению, что под давлением их нередко оказывается не в силах удержаться на пути честной трудовой жизни и человек, в котором, казалось, никак не заподозрить потенциального преступника¹. Ссылка ученого на народную мудрость не случайна, поскольку сделанный им вывод, в общем-то, давно известен нашим предкам. Рассматривая субъективную сторону противоправной деятельности, они с незапамятных времен подметили, что преступник преступнику рознь. «Не всяк злодей, кто часом лих», – говорит, например, другое русское изречение. Большую роль в мотивировании случайных преступлений, по фольклорному утверждению народов, играют внешние обстоятельства. «Раз нашел пролом, так и стал вором», – утверждает бенгальское изречение. «Дырка делает вора», – говорят французы. По мнению испанцев, «дверь без замка соблазняет даже святого». «Повод создает вора», – обобщает подобные суждения немецкая поговорка.

В отличие от случайного типа злостные преступники сами создают преступную ситуацию или активно ищут ее². Однако даже в их душе перед совершением преступного деяния противостоят самые разные побуждения – от чувства самосохранения до мести или лихой самонадеянности. «Желание подстрекает, стыд удерживает», – раскрывает такую борьбу мотивов изречение индийской народности телугу. В результате внутренних колебаний преступник может отказаться от первоначального замысла, видоизменить его либо настойчиво реализовывать, надеясь на безнаказанность. Ибо, как точно подмечено испанской пословицей, «никто не делает зла, чтобы потом расплачиваться». То же самое заключает тамильское изречение: «Вор не ворует, думая, что его поймают».

Зато после злодеяния душевное состояние преступника кардинально меняется: им овладевает постоянный и навязчивый страх, о чем дружно свидетельствуют пословицы и поговорки самых разных народов мира. «Вор и своей тени боится», «У вора заячье сердце: и спит, и боится», – гласят старинные русские изречения. По сомалийской поговорке, «трусливее вора никого нет». «Вороватая собака всегда труслива», – образно и презрительно говорят азербайджанцы о воре. Турецкая поговорка отмечает, что «вор даже своего сна боится». «В душе преступника всегда страх», – обобщает главную особенность его психологического самоощущения непальская мудрость.

Вместе с тем страх не является врожденным свойством аморального человека. Наоборот, серьезные преступления часто совершают лично смелые или, как минимум, от-

¹ Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы / Юридическая психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Романов, Е.В. Романова. – М., 2000. – С. 256-257

² См.: Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. – М. 1996. – С. 312-313.

чаянные и бесшабашные индивиды. «Отчаянный ни суда, ни закона не признает, отчаянный признает только более отчаянного», – говорят якуты. Азербайджанская пословица справедливо замечает, что «собака от страха не ворует». Это же, правда, косвенно, подтверждают следующие русские пословицы: «Смелого ищи в тюрьме, а глупого в полах», «Отвага и мед пьет, и кандалы трет».

Следовательно, страх преступника, как правило, носит характер эмоционального и подсознательного следствия свершенного противоправного деяния, проистекает из угрозы расплаты. Преступник, отмечал еще в I веке н.э. Сенека, может иногда избежать наказания, но не страха перед ним¹. В качестве доказательства такого вывода можно сослаться на персидскую пословицу, согласно которой «вор, крадущий саваны, ночью не боится мертвецов, а днем вздрагивает при виде живых», а также на поговорку жителей Хиндустана – северной части Индии – «Для вора каждый встречный – полицейский». Достаточно точно общий психологический портрет закоренелого преступника рисует молдавское изречение: «Повадки волчьи, а душа заячья».

Постоянное опасение возможного наказания, в свою очередь, рождает ряд других психологических черт преступника, в частности его двуличие, хитрость, изворотливость. «Днем ходит как вельможа, а по ночам ворует желтую фасоль», – иронично определяет жуликоватого лицемера китайская пословица. «Ночью – разбойник, днем – благородный», – свидетельствует курдское изречение. По бенгальской пословице, «вор и мелкого жулика изобьет, и первым в храм помчится». «У мошенника парадный вход всегда нарядный», – такой образной поговоркой характеризуют желание преступника скрыть свое истинное лицо японцы.

Непрерывно хитря и изворачиваясь, преступники закономерно вынуждены лгать окружающим. «Лгут от страха», – объясняет азербайджанское изречение такую примечательную особенность психологии преступника. «Кто лжет, тот и ворует, кто ворует, тот должен и лгать», – выводит свое заключение относительно взаимосвязи преступности и лжи пословица лужицких сербов – немногочисленной славянской народности в Германии. «Вранье и страх в одном кармане лежат», – подтверждает удмуртская поговорка. «Кто умеет воровать, тот умеет и врать», – говорят малагасийцы. «Ложь – это оружие вора», – считают финны.

Одновременно, как замечает французское изречение, «вор не верит, что есть честные люди». Аналогичный вывод зафиксирован русской поговоркой: «Кто сам плут, тот другим не верит». Неверие в существование честных людей составляет особо примечательную черту криминальной психологии, поскольку именно ссылкой на всеобщую аморальность преступники обычно оправдывают свои противоправные деяния. «Кто зло творит, тот и о других плохо думает», – отмечает итальянская пословица.

«Вор думает, что весь мир вороватый», – подчеркивают армяне. «Ворам кажется, что все воры», – гласит грузинское изречение. «Вор всех людей ворами считает», – соглашаются осетины.

А в итоге «Вор каждого подозревает» (поговорка народа телугу). Но не просто подозревает, а старательно пытается уберечься от преступных посягательств, в первую очередь, в отношении своей собственности. «Вор свою дверь запирает», – отмечает японская поговорка. «Вор идет за водой – свои двери запирает», – смеются корейцы. По ироничным наблюдениям осетин, «ворующий шапки свою за пазухой (в руке) держит».

Весьма интересной чертой психологии типичного преступника является также его демонстративная религиозность, постоянные молитвенные обращения к божеству. Здесь надо отметить, что большинство народных изречений зародилось в глубокую

¹ См.: Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / Пер. с латин. и вступ. статья С.Ошерова. – М., 1986. С. 227

старину, когда верующими были практически все члены общества. Тем не менее, даже среди этой массы религиозного населения преступники отличались и отличаются особой набожностью. С одной стороны, обращения злодеев к богу, видимо, объясняются призрачной надеждой избежать суровой расплаты с помощью сверхъестественного чуда. Недаром К. Маркс писал, что «слабость всегда спасается верой в чудеса...»¹.

С другой стороны, набожность преступника является испытанной формой его лицемерия, направленной на обман окружающих. Так или иначе, но по русской поговорке «Добрый вор без молитвы не украдет». Образец воровской молитвы, явно ерничая, дает другое старое русское изречение: «Господи, прости, в чужой дом впусти, помоги нагрести и вынести!»

А вот что гласят по такому поводу пословицы и поговорки других народов: «На устах молитва, а в душе – мысли о грабеже» (персидская). «И вор обращается с молитвой к Богу» (афганская). «Ночью ворует, а днем говорит: «Господи, помилуй» (арабская). «Непомерная набожность – признак вора» (бенгальская).

Изучая психологию преступников, советский исследователь А.Р. Лурье еще в 20-х годах прошлого столетия указывал на то, что любое серьезное преступление ощутимо и объективно оставляет следы не только во внешней среде, но и в психике преступника. В частности, испытанное в ходе злодеяния чувство порой бывает таким сильным, что ассоциативные воспоминания о нем через какое-то время толкают субъекта на посещение места преступления². Кажется невероятным, но и такую тонкую психолого-поведенческую особенность реакции преступника подметили на практике народные мыслители. «Волк, съевший ослиное мясо, целую неделю бродит около места», – гласит, например, метафорическая вьетнамская пословица.

По мнению современных психологов, при оценке личности имеют большое значение экспрессивные реакции лица, движение глаз, телодвижения, позы, походка, жесты, голос и речь³. Однако это было известно еще нашим предкам, которые эмпирическим путем уяснили взаимосвязь между психологическим состоянием преступника и выражением его глаз, мимикой, импульсивными телодвижениями, оговорками в речи. «Если послушать вора, он несколько раз в день себя выдает», – обращает внимание грузинская поговорка. По наблюдениям корейцев, «у вороватой собаки глаза бегают». «У вора голова опущена», – утверждает хиндустанское изречение. «У виноватого колени дрожат», – говорит узбекская поговорка про другую произвольную реакцию организма преступника. «В неправде Бог запинаят», – указывает русская поговорка на речевой признак лжи.

Подобные познания внешних признаков виновности уже в самую седую старину помогали людям ловить и изобличать преступников. А один из народных приемов использования подсознательного страха злодея для его разоблачения в силу своей оригинальности и неожиданной эффективности отразился в ставшей практически интернациональной поговорке «На воре шапка горит». Казуальное происхождение данного крылатого изречения латвийский фольклорист Э.Я. Кокаре раскрывает такой легендой. У одного крестьянина украли деньги. Созвали деревенский сход. Спрашивают: «Кто виноват?» Никто не признается. Вдруг один из присутствующих вскрикивает: «Вон, на воре шапка горит!» Вор в испуге схватился за шапку и тем самым выдал себя⁴. В Африке популярна схожая притча. Обокрали одного старика. Взяв свое копье, он пошел к

¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, Т.8. – М., 1957. – С. 123.

² См.: Лурье А.Р. Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928, №3. – С. 82.

³ См.: Чуфаровский Ю.В. Указ. работа. – С. 109.

⁴ См.: Кокаре Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. – Рига, 1975. – С. 50.

группе соплеменников, обсуждавших данное происшествие. Не дойдя до нее нескольких шагов, старик поднял оружие и крикнул: «Копье, убей вора!» Тут же виновный бросился бежать. «Воровство выдает страх», – заключает притчу поговорка народности бакози.

Безымянными народными психологами была предложена и идея ловить преступников с помощью их собратьев по ремеслу. Задолго до Франсуа Видока, основавшего в 1810 году в Париже первую в мире специальную сыскную службу и подбиравшего в нее сотрудников по принципу «только преступник сможет побороть преступность»¹, некоторые народы выразили свое мнение на этот счет в следующих крылатых изречениях: «Алмаз режется алмазом, вора ловит вор» (татарская), «Вора воров вылавливают, колючку колючкой вытаскивают» (бенгальская), «Вор вора скоро поймает» (английская). В основу указанного предложения легли многовековые наблюдения сущностного единства любой преступной деятельности, познание тесных организационных и психолого-коммуникативных связей преступного мира. «Вор вора знает», – утверждает поговорка, которую можно встретить в фольклоре чеченцев, ингушей, калмыков и курдов. «Вор вора по глазам видит», – говорят вьетнамцы. «Вор вора и темной ночью узнает», – уверены таджики. В Индии у жителей Хиндустана бытует сразу несколько крылатых изречений с соответствующим смыслом: «Вор вора признает»; «Вор знает язык разбойников»; «Вор воровские уловки распознает».

Правда, различные тактические хитрости в деле поимки преступников, нередко балансирующие на грани аморальности, а тем более опора на других злодеев как помощников или негласных осведомителей, издавна вызывали у некоторых людей брезгливое отношение к сыску. «Вор не стыдится воровать, а ты стыдишься его ловить?», – укоряет такого слишком щепетильного человека афганская пословица. «И капкан, если не обманет, не поймает», – подтверждает кабардинское изречение.

Но поймать преступника – это еще полдела. Если не удалось схватить с поличным, очень важно, но крайне трудно изобличить его с помощью различных улик. «Обвинить можно и невиновного, но уличить – только виновного», – подчеркивал знавший проблему на собственном опыте Апулей². По справедливым уверениям белорусов, «ни один злодей не скажет про себя, что он украл». «Преступник надеется на свое отпирательство», – дополняет якутская поговорка. Об этом же свидетельствуют изречения других народов: «У каждого вора оправдание найдется» (японское), «Вор всегда готов побожиться» (грузинская), «Вор всю жизнь в честности клянется» (казахская).

Уличение лица, совершившего преступление, является проблемой не только процессуально-правовой, но и психологической, упирающейся в сложные вопросы вины, признания и раскаяния преступника. «Вина впереди, раскаяние позади», – определяет соотношение этих категорий монгольская мудрость. Что касается признания вины, то оно обычно является одним из главных условий раскаяния, т.е. психологического акта самооценки индивидом своего поведения, проявление совести и стыда как психологических основ его исправления в будущем³. «Признание – первый шаг к раскаянию», «Признание целительно для души», – заявляют английские поговорки. С такой точкой зрения полностью согласны грузины, которые говорят: «Признание – то же раскаяние». А украинская пословица даже считает признание преступника основанием для освобождения его от наказания: «Как признался, так расквитался». Монгольское крылатое изречение ничего не говорит о значении раскаяния, а просто советует преступнику: «Чем

¹ См.: Торвальд Ю. Сто лет криминалистики (пути развития криминалистики)/ Пер. с нем. – М., 1974. – С.18.

² См.: Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии; Метаморфозы в XI книгах; Флориды/ Пер. М.А. Кузьмина и С.П. Маркиша. – М., 1960. – С. 7

³ См.: Еникеев М.И. Указ. работа. – С. 600.

плохо скрывать, лучше хорошо признаться». Именно признаться, поскольку, по армянской поговорке, «оправдание бывает хуже вины».

Очень важным в вопросе снятия или умаления вины за совершенное преступление является момент признания преступника. И хотя турецкая поговорка гласит, что «двери признания всегда открыты», у многих восточных народов преобладает иное мнение: «Позднее раскаяние пользы не приносит». «Позднее раскаяние – враг самому себе», – уточняет узбекская мудрость. «Поздним раскаянием сделанного не исправишь», – приглашаются японцы.

Объективный и точный учет вины подсудимого, как известно, является краеугольным камнем справедливого уголовного наказания, которого во все времена жаждут как потерпевший, так и преступник. «Идея справедливости неопровержима, – писал А. Барбюс, – она вырастает из нравственных законов, из законов разума, и из самой жизни масс; справедливость – слово, полное трепета жизни»¹. Не вдаваясь в юридические тонкости дела, простые люди обычно дают оценку судебному решению, опираясь на свое личное чувство справедливости. Недаром старая курдская пословица утверждает, что «несправедливое наказание тяжелее преступления». И наоборот, согласно русскому изречению, «по справедливости отрезанная рука не болит». Такой же красочной метафорой пользуются и некоторые тюркские народы, у которых критерием справедливости являются нормы ислама. «Палец, отрезанный по шариату, не кровоточит», – гласит, например, выражая вековые представления людей, турецкая пословица.

Говоря о психологическом отношении людей к суду, надо подчеркнуть, что оно является весьма неоднозначным и за многовековую историю человечества претерпевшим существенные изменения. В условиях общинно-родового строя, когда спорные дела разбирались публично, в присутствии всех соплеменников или членов крестьянской общины, в этом отношении преобладали доверие к своим судьям, безусловная убежденность в объективности и справедливости суда. На Руси тогда говаривали: «Суд не на осуд, а на рассуд». «Людской суд самый правый», – гласит сохранившаяся с тех давних пор непальская поговорка. Однако появление сначала господского или, как называли его русские дореволюционные правоведы, «владельческого» судилища, а затем суда государственного породило у народных масс всех стран настороженность и предубежденность к подобным формам правосудия. «В суд пойдешь – правды не найдешь», «Не ходи в суд, а то хлеба не будет», – стали гласить более поздние русские поговорки. «На войну пойдешь – погибнешь, под суд попадешь – намучаешься», – гласит хакасская пословица. «При жизни опасайся суда, после смерти – ада», – предупреждает китайская мудрость, ставящая суд на одну доску с преисподней.

Естественно, что простые люди начали бояться судей, при случае заискивать перед ними. «Коль дело попало к чалме (*т.е. мусульманскому судье – Г.Л.*), пропадать твоей голове», – сокрушается азербайджанская поговорка. «Всякий, кто проходит мимо мула кади, всегда поглаживает его», – так старая общеарабская пословица высмеивает стремление окружающих угодить судье. Но поскольку подобное раболепствование всегда носит вынужденный характер, оно после суда легко меняется другим отношением к властительному субъекту. «Пока нужен – кази, стал не нужен – негодяй», – отмечает подобную метаморфозу хиндустанская поговорка.

С другой стороны, в классовом обществе кардинально изменились и сами служители правосудия. Оторвавшись от народа, многие из них превратились в надменных вершителей человеческих судеб, черствых, бездушных и корыстных чиновников. Крымские караимы по этому поводу говорят: «Судья себя на этом свете мнит всесильным;

¹ Цит. по Воронцов В.В. Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. Композиция Вл. Воронцова. Изд. 2-е, – М., 1977. – С. 351

судья умер, но в мире ничего не изменилось». «Ты последним ли стал судьей?», – риторически спрашивают зазнавшегося судью якуты.

Народные изречения с негодованием бичуют жадность и корыстолюбие судей. «На работу нанимать – он судья, а закончена работа он – мерзавец», – обличает непорядочность служителя правосудия в обыденной жизни бенгальская пословица. «В доме судьи грецких орехов много, да все на счету», – иронизирует по поводу судейской мелочности персидское изречение.

Указанные психологические качества судей на службе выливаются в такое негативное явление, как взяточничество, тоже не обойденное вниманием народов. «Кази дашь – полюбит, не дашь – погубит», – утверждают узбеки. «В суд ногой – в карман рукой», – говорят французы и немцы. Но если в приведенных пословицах и поговорках звучит умеренное осуждение продажного правосудия, то в крылатом изречении сартов – народности иранского происхождения в Узбекистане – эмоции бьют вовсю: «Судью-взяточника даже собака назовет «мачи» (*т.е. очень ругательным словом – Г.Л.*)

«Судебные» пословицы и поговорки обнажают одну любопытную особенность обыденного правосознания людей. Осуждая судейский произвол, презируя судей-взяточников, народные массы разных стран, тем не менее, довольно терпимо и даже с пониманием относятся к взяточдателям. «Телега правды, сворачивая с дороги, не скрипнет, если ее хорошенько смазать», – говорят, например, латыши. Более того, ряд крылатых изречений сформулирован в форме советов, которые прямо рекомендуют решать судебные проблемы с помощью мзды. «Дари судью, так не посадит в тюрьму», – прямо назидает русская мудрость. «Пошли подарок, получишь решение своего дела», – учит иракская пословица.

Тем самым фольклор подтверждает установленный современными исследователями вывод, что отношение людей к закону и социальной справедливости является двойственным и в значительной мере ситуативным. Абстрактный закон и абстрактную справедливость одобряют все. Но как только дело доходит до личных интересов субъекта в конкретной жизненной ситуации, часто начинаются практические отступления от существующих норм, попытки добиться своего исключения из общих правил. «Всяк правду любит, но не всяк ее творит», – отмечает на этот счет старое русское изречение.

Определенной противоречивостью, судя по пословицам и поговоркам разных народов, отличается и психологическое отношение людей к своей трудовой деятельности, что, впрочем, не удивительно, поскольку оно тоже формировалось долгое время и в разных исторических условиях. Еще в седую старину все народы осознали огромное значение труда как основного фактора материального и духовного обеспечения человеческой жизнедеятельности. «Труд – отец богатства, земля – мать богатства», – гласит казахская пословица. «Труд и накормит, и научит», – утверждает азербайджанская мудрость.

Особой социальной ценностью всех народов является труд коллективный, истоки которого таятся в их патриархально-родовом прошлом, когда хозяйственная деятельность людей в основном осуществлялась в рамках большой семьи или рода. С тех времен в крестьянской жизни многих этносов сохранились традиции соседской взаимопомощи. Наиболее распространенной формой такой взаимопомощи служит обычай, именуемый казахами «асар», узбеками – «хашар», кавказскими балкарцами – «изеу», восточными славянами – «толока». Согласно этому обычаю, родственники, друзья, соседи, собравшись в определенный день, безвозмездно помогают кому-то в сложном и трудоемком деле – строительстве дома, рытье колодца, раскорчевке участка, уборке урожая и т.п. «Когда работников много, работа спорится», – одинаково говорят о совместной трудовой деятельности людей чуваша и кавказские даргинцы. «Много рук делают груз легче», – соглашаются румыны. Общая работа у всех народов непременно сопровожда-

ется праздничным настроением у участников, апофеозом которого служит их конечное застолье с шутками, песнями, танцами. Недаром казахские аксакалы говорят: «Коллективный труд – самый радостный труд».

Коллективный труд всегда отличался особой привлекательностью еще и потому, что его результаты давали хорошему работнику основания претендовать на почет и уважение со стороны окружающих. «Доброе дело равняет человека с шахом», – свидетельствует афганская поговорка. «Почет тому, кто его заработает», – говорят финны. «Хочешь почестей – работай честно», «Любишь почет – люби и труд», – учат даргинское и туркменское изречения. Такие народные изречения ярко иллюстрируют слова русского литературного критика и демократа Д.И. Писарева о том, что труд составляет самую крепкую и самую надежную связь между человеком, который трудится, и тем обществом, на пользу которого направлен этот труд¹.

Справедливые представления людей о более высокой ценности и эффективности коллективной деятельности, понимание необходимости кооперации трудовых усилий до сих пор продолжают бытовать в общественном сознании всех народов.

Вместе с тем классовое расслоение общества уже давно породило частнособственнические настроения в потреблении результатов труда, что создает главное психологическое противоречие в трудовой сфере. «Работать лучше вдвоем, а есть лучше одному», – формулирует это противоречие карельское крылатое изречение.

«Множество рук портит еду, но не портит общей работы», – говорят по такому же поводу представители африканской народности гереро.

Другим следствием классовой структуры общества явились принудительные формы труда вроде рабства, крепостничества (барщины), углубивших двойственное отношение людей к своей трудовой деятельности. Трудящиеся стали четко различать работу на себя и работу на своего господина. «Крестьянство от Бога, а работа от господ», – считают лужицкие сербы. «Свое дело легче ваты, в чужое – тяжелее камня», – гласит старая узбекская поговорка. При этом даже «Собственная бедность не превращает работу в рабство», – утверждает изречение западноафриканской народности хауса. «На себя работа – не барщина», – определяет русская поговорка.

И если, как мы видим, труд на себя, свою семью сохраняет в глазах народных масс определенную привлекательность или, по крайней мере, положительную оценку его значения, то рабство и крепостнические повинности вполне закономерно воспринимались и воспринимаются тружениками как угнетение, и сопровождаются ненавистью к ним. «Байская работа никогда не кончается», – с горечью сетуют якуты и тувинцы. «Труды-то мои, а радости твои», – упрекает феодального эксплуататора другое тувинское изречение. «Мужицкими мозолями и бары сытно живут», «Мы в бороне, а барин в стороне», – такими изречениями выражал народ на Руси свое отношение барщине, к которой он приравнивал и принудительный труд на церковь: «Монастырщина – что барщина».

Естественно, что работа на господ никогда не придавала людям энтузиазма, наоборот, заставляла их относиться к ней спустя рукава. Комментируя подобную закономерность, Н.Г. Чернышевский писал: «Человек может работать с усердием только тогда, когда никто не помешает его труду и не отнимет у него плодов труда»². «На чужой работе и солнце не движется», – подтверждает слова демократа-революционера русская поговорка. Согласно совпадающим корейскому и узбекскому изречениям, «за чужой работой и в июне мерзнут руки». «Лучше тепло от своей одежды, чем от труда на другого», – говорят эстонцы про уклонение от работы на господина.

¹ См.: Писарев Д.И. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 2. – СПб., 1894. – С. 554

² Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15-ти томах. Т.5. – М., 1950. – С. 704.

Историческая практика доказала, что наиболее действенным стимулом успешной трудовой деятельности является экономическая заинтересованность людей, подоплекой которой выступают их житейские нужды. Не случайно во множестве пословиц и поговорок констатируется связь труда с ежедневной потребностью человека в пище. Примеры: «Кто на плуг налегает, голодным не останется» (турецкая). «Работал – своим закуси, не работал – у других попроси» (туркменская). «Если руки работают, то и рот работает» (калмыцкая). «Кто не боится труда, тот и голода не боится» (вьетнамская). Недаром афганцы говорят: «Лучше лишиться жизни, чем работы».

Тем более что труд, как подметили наши предки, играет важнейшую роль в формировании человеческой личности, воспитании ее положительных качеств и черт. «От работы никудышним не станешь», – утверждает марийская поговорка. В частности, трудовая деятельность человека, его владение ремеслом являются главной альтернативой корыстной преступности. «Работа лучше, чем воровство», – гласит сомалийская поговорка. «Знающему ремесло, зачем воровство?», – риторически спрашивают азербайджанцы. «Худое ремесло лучше доброго воровства», – считает старинное русское изречение.

По народным представлениям любой труд, даже принудительный и бессмысленный, все равно полезнее человеку, чем бесцельная трата времени. «Пыль труда лучше шафрана безделья» (арабская). «Чем от безделья томиться, лучше даром трудиться» (казахская, киргизская). «Лучше врагу камни таскать, чем от безделья тосковать» (азербайджанская). А японцы, при своей огромной почтительности к предкам, говорят: «Заставь работать стоящих без дела, даже если это твои родители». Суть таких народных изречений точно выразил американский физик и политический деятель Бенджамин Франклин: «Лень, как ржавчина, разъедает быстрее, чем труд изнашивает...»¹.

Осуждая безделье и лень, пословицы и поговорки считают их главными причинами формирования дурных наклонностей личности. «Труд кормит человека, безделье портит», – говорят, например, ассирийцы. По молдавскому крылатому изречению, «труд на ноги ставит, а лень валит». «Безделье рождает дьявольские мысли», – подмечает пословица хиндустанцев.

Лень и безделье обоснованно рассматриваются народами как прямые предпосылки к паразитическому образу жизни, преодолеть который потом уже сложно. «От тунеядства трудно отвыкнуть», – утверждает еще одна хиндустанская поговорка. То же самое гласит японская мудрость про нищенство: «Кто три дня попрошайничал, никогда не отвыкнет». С таким выводом согласны китайцы: «Просить милостыню три года – полениться идти в чиновники».

Построение трудовых отношений на основе экономических интересов работодателя и работника предполагает решение непростого вопроса о соотношении объема и качества работы с ее оплатой. Пословицы и поговорки самых разных народов свидетельствуют о том, что стороны всегда подходят к этой проблеме по-разному. Работодатели во главу угла всегда ставят работу. Отсюда поговорки: «Какова работа – такова и плата» (немецкая), «Какова работа – такова и отдача» (украинская). Наемные работники, напротив, сначала хотят получить гарантии хорошей оплаты, и от нее определять свою трудовую деятельность. «Какова плата, такова и работа», – указывают одинаковые французская и хиндустанская поговорки. «За добрую плату и работа на совесть», – гласит другое изречение жителей Хиндустана.

С гораздо большим единодушием народы относятся к предоплате труда, поскольку издавна замечено, что она существенно снижает интерес работников к конечным результатам своей деятельности. «Оплаченный работник – работник без рук», «У людей,

¹ Франклин Б. Избранные произведения. – М., 1955. – С. 96

которым вперед уплачено, болят руки», «Кто хочет плохую работу, пусть заплатит вперед», – категорично заявляют испанская, французская и итальянская пословицы.

Кроме того, в пословицах и поговорках хранится немало частных, но очень интересных и точных замечаний, советов и назиданий по части психологии трудовых правоотношений. Так, англичане подметили, что «нерадивый делает вид, что работает больше всех». Монголы про ленивого, но корыстного работника говорят: «За каждое движение ждет вознаграждения». Согласно наблюдениям проживающей на западе Африки народности эве, чрезмерное вознаграждение не всегда приносит пользу работнику: «Если гребцу дают слишком большую плату, он ломает себе грудь». «Лопата в чужих руках легка», – иронично определяют курды обычную недооценку трудовых усилий других людей. «Злобствующий на свой труд пользы от него не получит», – уверены азербайджанцы. «Тяжелая работа ссорит людей», – гласит изречение африканского народа суахили. Китайская пословица учит: «Если сомневаешься в человеке, не давай ему работы, а дал работу, так не сомневайся». «Хозяин и работник друг друга не хвалят», – такой вывод делают вьетнамцы на основе многовековых обобщений трудовой практики.

Юридическая психология трудовых правоотношений во многом предопределяет и специфику имущественных правоотношений в обществе, поскольку именно трудом создается большинство материальных благ, ради которых люди так суетятся в своей жизни. Именно в имущественных отношениях человек нагляднее всего демонстрирует истинные мотивы и цели избранного им образа жизни, в том числе неизбежно проявляет свою скрытую психологическую червоточину. Особо примечательно здесь то, что накопление в обществе различных материальных благ не только не улучшает взаимоотношений между людьми, а, напротив, часто обостряет социальные противоречия и конфликты. «Имущий не жалеет неимущего», – заявляет на этот счет таджикская поговорка. «Богатый не жалеет бедного, бедный – богатого», – подтверждает тувинское изречение. Современные специалисты по социальной психологии подчеркивают, что в процессе развития общества (*с рыночными отношениями* – Г.Л.) богатые богатеют, а бедные беднеют, а равновесия между ними не достигается практически никогда¹.

Первопричиной большинства социальных противоречий и правонарушений выступают, как известно, частнособственнические инстинкты людей, зародившиеся при появлении излишков результатов труда. Именно на этой стадии былая общая собственность рода или крестьянской общины стала терять значение и уменьшаться в своих объемах. Отзвуками стародавнего приоритета общественного имущества в жизни наших далеких предков остались единичные образцы народного творчества, вроде турецкой поговорки «Общественное имущество собака не тронет». В противовес им более поздние крылатые изречения народов констатируют уже привлекательность и притязательность частной собственности. «Лучше своя кошка, чем общий верблюд» (арабское). «Лучше отдельный воробей, чем общая корова» (немецкое). «Лучше плохонькое, да свое, чем хорошее, да чужое» (азербайджанское). «Свое имущество каждому дорого» (турецкое).

В результате изменилось и отношение людей к общей собственности; ее стали меньше беречь, а при возможности расхищать. «Общая лодка смолы не видит», – гласит финская поговорка. «Так уж водится, что общая лошадь хуже всех подкована», – констатирует английское изречение. «Общественный котел на перекрестке бьется», – говорят индусы. Согласно грузинской поговорке, «общее поле принадлежит стаду». «Когда у нивы много хозяев, на ней ослы пасутся», «С общей пашни все нарасхват», – отмечают осетинские изречения. «Общественные средства как святая вода: каждый от-

¹ См.: Экономическая психология / Под ред. И.В. Андреевой. – СПб., 2000. – С. 209

туда черпает», – уверены итальянцы. «Имущество бережет лишь его хозяин», – объясняет сомалийская поговорка.

Однако разгул частнособственнических настроений часто наносит ущерб не только общественному добру, но и государственному имуществу, а также собственности других индивидов, что тоже вполне достаточно зафиксировано пословицами и поговорками разных народов. «Казенному лесу каждый родня», «Казна не убогая вдова: ее не обберешь»; «Казна на поживу дана», – такие крылатые изречения издавна были популярны на Руси. Даже веками законопослушные немцы при случае не прочь запустить руку в государственный карман, о чем свидетельствует их поговорка: «Обман государства – казна», в которой понятие «казна» употребляется как синоним богатства. По наблюдениям кабардинцев, «чужие овцы от отары чаще отбиваются». «Помещичья веревка пусть волочится», – говорят о своем пренебрежении к имуществу господина эстонцы. В общем, подытоживает сказанное вьетнамская пословица, воспитанный рыночными отношениями человек «Чужое добро готов отдать со щедростью Будды, а свое перевязывает веревкой».

В условиях господства частной собственности имущественный вопрос, в том числе выраженный в денежной форме, неуклонно осложняет и разрушает даже родственные связи людей. «Из-за любого наследства ссорятся», – уверены финны. «Аллах сотворил братьев, но кошельки им создал отдельные», – гласит турецкая поговорка. «Брат-то мой, а денюжки промеж чужие», – говорят эстонцы. «В денежных делах даже родители и дети – чужие люди», – свидетельствуют японцы. «В деньгах родства нет», – обобщает русская поговорка.

Пословицы и поговорки различных народов при их системном анализе неопровержимо подтверждают, что хищнический индивидуализм

является неперемнным следствием господства частной собственности и рыночных отношений в экономике. Потому общеарабская пословица, как будто сформулированная для наших дней, гласит: «Рынок благодарит тот, кто заработал». «Ярмарка мила тому, кто на ней наживается», – соглашается старое итальянское изречение.

О том, что нажива неотделима от корыстной хитрости и обмана людей, можно судить и по наблюдениям других народов. «Честность и прибыль не сродни» (английская). «На рынке вместе с товаром и душа продается» (армянская). «Не обманешь – не продашь» (русская, польская). «В торговле всяк другому враг» (японская). «Торговля и обман как земля и плуг» (немецкая). «Обмен материальными ценностями, – подводят под такие явления теоретическую базу авторы учебного пособия «Психология общения продавца и покупателя», – таит в себе возможности ошибок или злоупотреблений. Это обстоятельство порождает одну из наиболее неприятных особенностей общения в торговле – взаимное недоверие¹. При этом авторы данного высказывания тактично упускают из виду корыстные мотивы торговцев, хотя погоня за прибылью нередко толкает коммерсантов даже на обман партнеров по бизнесу. «Если бы товарищество было хорошим делом, то и Бог взял бы себе компаньона», – горестно шутит старинная пословица, бытующая среди персов и арабов. Другая арабская поговорка гласит: «Твой компаньон – твой противник».

Многовековое познание рыночных нравов предопределило предпочтение людьми простых форм взаиморасчетов в гражданско-правовых отношениях. Как покупатели, так и продавцы издавна опасаются кредита, векселей и прочих банковских штук. «Лучше сто наличными, чем тысяча в кредит», – говорят китайцы. «Сделка хороша наличными», – соглашаются туркмены. По немецкой поговорке, «Лучший расчет – расчет

¹ Психология общения продавца и покупателя: Учебное пособие. – Владивосток, 1994. – С. 25

наличными». «Смотри на глупость: человек отдает товар в кредит», – отмечает изречение крымских караимов.

В фольклоре народов мира можно увидеть отражение самых разных видов гражданско-правовых сделок, все краски психологического отношения людей к таким делам. Тем не менее, особое внимание пословицы и поговорки уделяют долговым обязательствам в силу кабального значения последних для судеб простых людей. «Взять в долг не трудно, трудно вернуть», – подмечает изречение африканских народностей ваи и хауса. То же самое утверждают аналогичные азербайджанская и латышская поговорки: «Взять легко, вернуть – трудно». «В долг берешь – на себя ярмо кладешь», – предупреждает крылатая украинская мудрость. Не случайно долговое обязательство лишает покоя должника, заставляет его переживать. «Долг что зуд», – гласит по этому поводу, например, корейская поговорка. «Должник ложится спать, да уснуть не может», – говорят малагасийцы.

Но если возврат долга беспокоит только ответственного и совестливого должника, то с другой стороны переживает практически любой кредитор. По наблюдениям англичан, «у заимодавцев память лучше, чем у должников». «О том, что дают займы, не забывают», – подчеркивает японское изречение. Как шутят азербайджанцы, «заимодавец своему должнику всегда здоровья желает». Представители индийской народности телугу трактуют этот вопрос в обоюдной плоскости: «Кредитор желает вам здоровья, должник – болезни». Такие разные настрои сторон, конечно, нередко выливаются в конфликты, что тоже зафиксировали пословицы и поговорки. «Когда ссужают, имеют друга, когда нужно забирать – недруга» (французская). «В долг давать – ссору покупать» (хиндустанская). «Из-за долга две семьи в ссоре» (афганская).

Достаточно настроенно относятся люди и к сделке мены, поскольку амхарской пословицей справедливо подмечено: «Кто поменяться предлагает, тот выиграть предполагает». «Кто часто меняет, тот без штанов гоняет», – смеются украинцы. «Кто меняет – дурака на придачу берет», – заявляет русская поговорка.

Очень много психологических нюансов возникает на практике в отношениях купли-продажи. В частности, такая деятельность всегда несет в себе определенный риск банкротства продавца. «Конец труда – радость, конец торговли – долги», – свидетельствуют казахские аксакалы. Потому вековая народная предосторожность настраивает купцов на разумное отношение к профессиональному риску. Например, по поводу долгих размышлений и откладывания принятия решения арабы говорят: «Нерешительный купец не выигрывает и не проигрывает». Вместе с тем и совсем не рисковать в торговле невозможно. «Кто боится убытка, прибыли не дождется», – считает турецкая пословица. «Без убытков выгоды не бывает», – подтверждают немцы.

Извечной проблемой торговли является оптимальное определение цены товара, складывающейся под влиянием множества факторов. Одним из них выступает противоположность интересов продавца и покупателя. «Кто покупает, тому дорого, кто продает, тому дешево», – так формулирует эту психологическую коллизию итальянская пословица. «Если дорого – у продавца пропадает совесть; если дешево – у покупателя», – считает крылатое изречение тюркских народов.

Немало народных изречений посвящено раскрытию торговых хитростей. «Купец что стрелец: оплошного ждет», – предупреждает потенциального покупателя русская поговорка. Прежде всего, как заметили наши предки, продавец склонен скрывать изъяны или низкое качество товара. «Никто не скажет: «Моя простокваша черная», – говорят турки. «Товар с изъяном всегда дешевле», – справедливо отмечает узбекская поговорка. «Дешевое обманчиво», – гласит казахская поговорка.

По твердому мнению многих народов, покупателю не следует верить тому, что сейчас называется рекламой. Согласно наблюдениям англичан и малагасийцев, «любой

(всякий) купец свой товар хвалит». А японцы уточняют: «Кто товар расхваливает, тот его не покупает». Скептически воспринимая слова продавцов, представители африканской народности ашанти уверены, что «хорошая вещь сама продается». Пословица суахили это подтверждает: «Хороший товар сам продается, а плохой надо хвалить».

Одной из примечательных черт человеческой психологии в имущественных отношениях является стремление получить что-либо бесплатно. «В подарок лучше, чем взаймы, а даром и совсем хорошо», – говорят в таких случаях финны. Однако ориентир на дармовщину часто оборачивается проблемами для ее любителей. Помимо широко известной английской пословицы «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке», об этом свидетельствуют и изречения других народов. «Даром нет даже в Бухаре», – говорят турки. «Даром только смерть бывает», – утверждают немцы.

Приведенные пословицы и поговорки разных народов ценны не только меткостью своих выводов, раскрывающих многие аспекты предмета науки юридической психологии. Не менее значима и их воспитательная направленность. Крылатые народные изречения, точно обнажая существо отдельных свойств человеческой природы, одновременно учат людей. Причем учат лаконично, эмоционально и убедительно, на основе богатого и красочного опыта человечества.

Түйін

Заң психологиясы жас болса да өзінің түп-тамырын фольклордың қайнар көздерінен бастайды. Автор бұл тұжырымды әлем халықтарының мақал-мәтелдері мен нақыл сөздерін талдау арқылы түсіндіреді. Оның ойынша, көптеген мақал-мәтелдер мен нақыл сөздер жеке тұлғаның рухани әлемінен туындаған, құқықтық қатынас субъектілеріне психологиялық мінездемелер шынайы да дәлме-дәл берілген. Яғни олар өздерінің құқы бойынша заң психологиясының эмпирикалық дереккөздерінің бірі бола алады. Бұл қағидалар заң психологиясы ғылымы пәнінің әртүрлі аспектілерін ашып көрсете алатын, өзінің даналық ойларымен дүниеге келген өмірлік қағидаларының нақты болуымен ғана бағалы емес, сонымен қатар олардың тәрбиелік мақсатының мәні зор. Мақал-мәтелдер мен нақыл сөздер кейбір адамдарға тән қасиеттерді анықтай отырып, сол арқылы адамдарды тәрбиелейді. Адамзаттың бай әрі тамаша өмір тәжірибесіне сүйене отырып, адамды өмірге қатысты, әсерлі де нанымды жолмен тәрбиелейді.

Annotation

Young science “legal psychology” dates back to the folklore sources. The author confirms this conclusion analyzing the proverbs and sayings of all peoples of the world. To his opinion, many proverbs and sayings impress by its deep analysis of a person’s spiritual world, its accuracy in psychological evaluation of the subject’s behavior in legal relations, and, therefore, they can be considered by their rights one of the empiric sources of the legal psychology. Together with it people’s sayings are valuable not only by its accuracy in witty judgments, revealing various aspects of the subject itself “legal psychology”. You can’t undervalue their educational trend. Proverbs and sayings denude sharply the essence of separate characteristics of a person’s nature, teach people simultaneously. Together with it they teach laconically, emotionally and convincingly, on the basis of rich and colorful experience of the humanity.